

ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

ЕЩЕ ОДИН великан русского художественного слова уходит от нас в вечность, еще один из старой гвардии советской художественной литературы, один из ее зачинателей и основоположников!..

Беспощадно опустошает время ряды этой старой гвардии!

И вот уже Всеволода не стало. Какое зияние сразу, какой невосполнимый пролом! И чем дальше, тем больше мы все будем это чувствовать — не только писатели, а и народ. Ибо Всеволод Иванов народен. Это главнейшее в нем.

Скорбно обнажает голову великая Сибирь: скончался один из могучих ее сынов, богатырь родного слова. Мы всегда по-особому будем гордиться им — что он наш, из Сибири.

Горький взрастил его.

Это было еще на исходе гражданской войны, среди чудовищной послевоенной разрухи, в заледеневшем, полупустынном Петрограде. Орлиная зоркость была у Алексея Максимовича на все талантливое, самородное и великая духовная прозорливость!

А еще и отцовское чувство к молодым.

Надо считать одним из счастливейших событий для русской литературы, что эта зоркость и прозорливость не изменили великому отцу советской литературы, когда там, за Уральским хребтом, в наборщике заолустной курганской типографии глухого тогда сибирского городка прозрел он будущего замечательного писателя и подал ему свою крепкую руку.

Всеволод в самом высоком смысле был любимцем у Горького. Имена их навсегда связаны.

И знаменательно, что когда он сам, Всеволод Вячеславович, стал народно известным, прославленным, то и от него столь же щедро, по-горьковски, излучалось это отеческое, и сколь многим из молодых был он и учителем, и защитой!

Он был признан сразу. Но пусть не думают, что легким шествием триумфатора был его путь. Было всего! Знали бы, сколько он натерпелся от ханжества и кликушества иных рапловских критиков из породы «дробителей черепов»! Ну, как

же: тут и «попутчик», и повинен в грехах «биологизма», и «певец крестьянской стихии», и т. д., и т. д.! И зависть, и ненависть, и разнузданная травля не миновали его головы.

К счастью, партия, ее мудрый и человеческий ЦК вовремя оградили тогда и его, да и многих других, кого мы по справедливости именуем сегодня гордостью советской литературы.

Творчество Всеволода Иванова необъятно, необозримо. Оно глубинно народное. И по языку, и по образам.

И опять-таки на его творчестве полностью оправдалось вещее слово Горького: что на смену «московско-тульской» эпохе художественного русского слова в наше, советское время, надвигается — неизбежно и плодотворно — эпоха как бы «областная», «окраинная», ибо виднейшие из советских прозаиков и поэтов придут от берегов и Ледовитого, и Тихого океанов, и от Черного моря, и от тихого Дона, и от Урала, и от Алтая.

Имена писателей этих и поэтов ныне известны всему народу.

Всеволод неизмеримо раздвинул пределы русского литературного языка. Об этом будут еще написаны книги. Тайна его писательской речи

еще не раскрыта!

И все же истинно народным писателем он останется не только поэтому, нет! А потому, что на его изумительных полотнах великий русский народ, и прежде всего могучий мужик — партизан Сибири времен кровавой, насмерть борьбы против колчаковщины и чужеземных нашествий встает во весь исполинский свой рост, во плоти и крови, без ухищрений и подмалевок, а таким, каким был. Могучей и реалистической кистью написанного образа крестьянского вожака Вершинина из «Бронепоезда» достаточно было бы для писательского бессмертия. А Васяка Запус?.. Да разве всех перечтешь! А люди гибнущего, обреченного стана, такие, как капитан Незеласов или прапорщик Обаб, — разве не есть они подлинное собирательное воплощение?!

А ответное белогвардейское верхушечное казачество Сибири — атаман Трубычев?!

Всеволоду Иванову все «далось»: и тончайшее бесстрашное проникновение в «тайное тайных», в сокровенное души человеческой (вспомните хотя бы «Жизнь Смокотинина!»), и поистине эпическое — народная война, движение неисчислимых масс.

Часто и подолгу размышлял я о творчестве Всеволода. Тут невольно приходит сопоставление. И от одного из них я не откажусь никогда.

Подумалось мне: вот если бы исчезло все, решительно все, что только сохранилось у нас о крепостном праве, а уцелел бы один лишь «Тупейный художник» Лескова, то ведь и тогда, по одному только этому рассказу, мы знали бы и видели, что оно было такое — крепостное право.

Вот так же и о Всеволоде: если бы от времен гражданской войны в Сибири ничего не уцелело ни в архивах, ни в книгохранилищах, а только «Голубые пески», «Бронепоезд 14—69» да «Возвращение Будды», то все равно увидали бы и отдаленнейшие потомки, что происходило тогда на русской земле.

Навечно в бессмертную сокровищницу свою великий народ наш приемлет творения Всеволода Иванова!

Алексей ЮГОВ